

Старшая сестра

Автор:

Лилия Фандеева

Старшая сестра

Лилия Фандеева

Старшая сестра – больше, чем просто друг, который заботится, поддерживает, защищает, помогает; она – вторая мама. Сёстры Богдановы выросли и воспитывались в одной семье, но подругами не стали. Ирине было двадцать лет, когда она оформила опеку над шестнадцатилетней Анастасией. Легко ли быть старшей сестрой, повзрослевшей раньше срока? Как из няни и гувернантки стать подругой, если ты с сестрой два полюса, если при безграничной любви тебе хочется свернуть ей шею за очередную выходку? Можно ли с синдромом «старшей сестры» самой стать по-настоящему счастливой?

Лилия Фандеева

Старшая сестра

Пролог

Ирине снился красивый сон. Она и Андрей после свадьбы прилетели на тёплый берег Средиземного моря. Синее тёплое море, пальмы и ласковое солнце. Они шли по берегу босиком, взявшись за руки, на душе было спокойно и радостно. Ирина улыбнулась во сне, после поцелуя Андрея.

Её разбудил ропот в салоне. Трудно было понять спросонья, что происходило, но на лицах пассажиров был испуг, а значит, ничего хорошего. Стюардесса пыталась успокоить паникёров.

– Ваша паника не поможет, успокойтесь. Командир пытается сделать всё возможное, чтобы посадить самолёт. На земле нас ждут, и даст Бог всё обойдётся, – говорила она, давая инструкции, как нужно сидеть и что нужно делать.

– Что происходит? – тихо спросила Ирина соседа.

– Внизу метель, плохая видимость, а у нас нет возможности лететь в аэропорт другого города, что-то с двигателем. На второй круг заходим. Как говорят: «Посадка вслепую». Одна надежда на мастерство и опыт пилота, – ответил взволновано сосед. – Нельзя было выпускать самолёт из Москвы. Рейс откладывали не просто из-за погодных условий, но и из-за неисправности воздушного судна. Вот и получили то, что получили, – сказал он и вздохнул.

«Опять метель и мается былое в темноте, – пронеслось в голове Ирины, когда она взглянула в иллюминатор. За стеклом был белый, белый день. Они летели не в облаках или тумане, за стеклом была белая круговерть снега. – Опять метель, две вечности сошлись в один короткий день, – сказала Ирина тихо вслух и прикрыла глаза, в которых стояли слёзы. Она надела шапку, сунула руки в рукава куртки, которой укрывалась, застегнула замок и повесила на шею свою сумку. – Мы думаем, что впереди у нас вечность, а она сократилась до минут. Почему мы начинаем ценить жизнь только в такие минуты? Жизнь сама по себе прекрасна, и жить нужно здесь и сейчас. Сомневаться, любить, ошибаться, ссориться и мириться – сейчас, а не завтра. Завтра может просто не быть, – думала она, украдкой смахивая слёзы. – Я только нашла отца, так и не сказала Андрею о своей любви, и собственную свадьбу видела только во сне. Я не увижу ни сына сестры, ни сына подруги, которые родятся весной. Столько не сказано, не сделано и так хочется жить. Вот так в один момент может всё закончиться. Стоп! Ничего не может для нас закончиться. Катастрофы в воздухе случаются реже, чем на земле. Пилоты справятся и посадят самолёт. Пусть посадка будет жёсткой, но пусть она будет. Я обязательно увижу малышей и буду счастливой сама. Я обещала это маме. У нас всё получится. Нужно успокоиться и думать о хорошем. Господи, прости, и помоги экипажу», – тихо повторяла она как молитву, уткнувшись головой в колени и обхватив голову руками. Самолёт сильно трянуло, а дальше он катился не как по взлётной полосе, а как по

стиральной доске. Это не было похоже на «мягкую» посадку, но сомнений не было в том, что он уже на земле. В салоне наступила тишина, как только смолк шум двигателя, и раздались громкие аплодисменты, как в театре. Пассажиры обнимали соседей по креслам, вздохнув с облегчением. Это длилось не больше двух минут. Дальше всё происходило как в кино. Эвакуация через запасные люки, суэта и неразбериха. Всем хотелось покинуть салон как можно быстрее. Ирина сидела в своём кресле до последнего пассажира и боялась пошевелиться. Ей казалось, что ноги не слушаются. Она пробовала встать и не могла. Её подхватил на руки молодой мужчина в форме МЧС и скатился вместе с ней по надувному трапу к машине скорой помощи.

– Это шок, – глядя на Ирину и выслушав её, сказал доктор. – Попробуйте постоять, а я помогу. Вот, вы уже стоите. Хотите в больницу? – спросил он участливо.

– Не хочу. Меня должны встречать. Как мне добраться до терминала? – спросила она и вспомнила, что не позвонила Асе перед посадкой, которую откладывали.

– Вас проводят. Настройте себя на то, что всё плохое уже закончилось. Ходите неспеша, и всё придёт в норму, – посоветовал он.

Ирину усадили в машину скорой помощи, где уже сидели люди, и подвезли к терминалу. Здесь расположился передвижной «приёмный» пункт с диванами и врачами. Кто-то из пассажиров принимал успокоительное средство, кому-то делали уколы, кого-то просто поили горячим чаем. Кто-то смеялся, кто-то плакал, кто-то выражал эмоции одним матом, обвиняя все службы аэропортов и восхищаясь мастерством пилотов. Она присела в кресло, следовало дожидаться выдачи багажа. К Ирине подошёл молодой мужчина в медицинском костюме, на голове его красовалась цветная бандана. Он совсем не был похож на врача. Скорее он напоминал актёра, играющего роль доктора. Об этом прямо говорила его слишком красивая, яркая и ухоженная внешность.

– Что Вас, девушка, беспокоит? Говорите мне обо всём и не стесняйтесь, – глядя на Ирину пристально, говорил он, беря её за запястье и считая пульс. – Вы молодец. Как Ваша фамилия?

– Богданова Ирина. Меня ноги плохо слушаются, хотя я уже почти бегала после операции, – тихо сказала она. – Мне страшно, хочется плакать и скорее попасть

домой. В такую же метель меня зацепило машиной, а теперь этот полёт. Думаете, совпадение? – спросила она, не надеясь получить ответ.

– Думаю, вам всем крупно повезло, – ответил он, делая пометку на листе бумаги, который вынул из кармана. – Все живы, а страх пройдёт, если не сегодня, то завтра. Нужно немного времени, чтобы прийти в себя и успокоиться. Для начала, возьмите таблетку и положите её под язык – вам станет спокойнее. Дома примите успокоительное средство и ложитесь в тёплую постель после чашки горячего чая. Справитесь? – спросил он, положив ей руку на плечо.

– Если почувствуете себя хуже – вызывайте неотложку.

– Я справлюсь. Спасибо вам. Можно мне уехать? – спросила Ирина, беря таблетку, которую положила под язык.

– В городе метёт меньше, но поездка на такси вам влетит в копеечку. В аэропорту народу собралось много. Рейсы отменяют, посадки задерживают, а всем хочется улететь. Будьте здоровы!

Глава 1

Светлана Русакова и Сергей Богданов поженились после окончания медицинского института в девяносто втором году, а в декабре девяносто третьего у них родилась дочь Ирина. Семья жила в двухкомнатной квартире свекрови, а квартиру, где жила Света с бабушкой раньше, сдавали в аренду. Оба супруга работали в городской больнице – муж был хирургом, а Светлана акушером-гинекологом. Три года семья жила дружно. Странные знакомства мужа с друзьями старшего брата, погибшего в Афганистане, особо не волновали Светлану. В доме появились деньги, и по вечерам в субботу они отдыхали в ресторане или ходили в гости. Жизнь казалась замечательной, пока на очередных «посиделках» в ночь перед Новым девяносто седьмым годом она не уличила мужа в измене. Нашлись и добродетели, и утешители, которые предложили отомстить неверному супругу. Светлана вернулась домой одна после ночи проведенной с Громовым. Он ещё со свадьбы оказывал ей внимание, не был груб или навязчив, но был, как говорили, «бандит». Эта ночь для супругов Богдановых стала началом конца их совместной жизни. Дело шло к

разводу, когда Светлана узнала, что беременная. Сергею была беременность жены на руку, он не хотел развода. Но с рождением Анастасии, обстановка в семье стала ещё напряжённее. Настя была копией своего биологического отца – Громова Ильи Петровича. Через неделю после выписки из роддома, Светлана не выдержала упрёков свекрови и выложила всю правду, собираясь переехать с дочерьми в квартиру, которую сдавали в аренду.

– Не дури. Иришка в сад ходит, что в двух шагах. Я сама поговорю с Сергеем. Один сын погиб геройски, второй стал подлецом, – сокрушалась Мария Ивановна Богданова. – Это Илья Громов Сергея с пути сбил. Он дружил с нашим Шуриком. Измена Сергея ему была на руку. Ты от обиды не стала сговорчивее, вот он тебя и изнасиловал.

– Не насиловал меня никто, – пыталась объяснить Светлана, но свекровь её не слышала. Для неё виновником всех бед остался Илья Громов.

Ирине не было шести, а Насте не было двух, когда Светлана переехала в дом на два хозяина, купленного на её имя, как позже оказалось, не мужем, а Громовым. Дом находился в том же районе, где проживали Богдановы, где ходили в школу Светлана и Сергей. Тихий большой спальный район с кирпичными пятиэтажками, построенными ещё в начале семидесятых. Так уж случилось, что по плану города от микрорайона до охраняемой зоны, леса, оставалась «пустая земля», которая время от времени превращалась в свалку. С несанкционированной свалкой «боролись», но результатов не было. Предложение отдать землю под застройку коттеджей, было бы выходом, но его не одобрили и отказались. При ограниченной площади индивидуальных застройщиков это не устраивало. Один архитектор предложил бюджетный вариант строительства целой улицы двухквартирных жилых домов с небольшим участком. Так появилась улица «Новая» с аккуратными двадцатью домами из силикатного кирпича и одинаковыми заборами. Сергей остался в квартире матери и подал на развод. Весной двухтысячного года Богданов Сергей Павлович уехал в выходной день вечером на рыбалку и пропал. Машину нашли на берегу, вместе с остатками костра, а лодку и вещи прибило к берегу вниз по течению. Через время отца девочек признали умершим, назначив пенсию. Не оставлял дочь без средств и Громов, перечисляя деньги на счёт Светланы. Он не раз предлагал ей своё покровительство, но Светлана ему отказывала. Очень скоро о том, что Громов когда-то был «бандитом», забыли. Теперь это был бизнесмен средней руки.

Светлана Васильевна определила обеих дочерей в гимназию, где был языковой класс. Обе сестры начали обучение в неполные семь лет. Когда Настя пошла в первый класс, Ирина пошла в пятый. Утром до работы мать отвозила их в гимназию, забирая после работы с продлёнки или дополнительных занятий. Если мать дежурила, девочек забирала бабушка. Она вышла на пенсию и помогала Светлане. На лето бабушка с внучками уезжала в деревню к двоюродной сестре. Ирине было десять лет, когда из очередной такой поездки она привезла с собой щенка немецкой овчарки. Мать не возражала, ведь в доме должна быть собака. Пёс оказался умным и «чистоплотным». Жил в доме, а по нужде просился во двор. Девочки выросли, но не подругами, ни сёстрами не стали. Ирина была для младшей сестры няней, гувернанткой, а Ася изображала из себя сироту казанскую. Мать, зная характер младшей дочери, никогда не наказывала старшую – она была её помощницей во всём. Безотказная, обязательная, хозяйственная Ирина любила и жалела мать, пропадавшую на работе, а капризная и необязательная Ася всегда была чем-то недовольна. Хуже стало, когда Мария Ивановна, после очередной выходки Аси, обмолвилась о её родстве с Громовым. Дело шло к выпускному вечеру Ирины, и Ася, которой шёл четырнадцатый год, устроила истерику по поводу выпускного платья сестре. Платье было всё равно куплено, но с этого времени Анастасия признавала только мать, бабушку она считала чужой, а сестру – «неудачницей». Теперь она «дружила» в гимназии только с мажорами и вела себя соответственно. Единственное, что она скрыла от своей компании после разговора с матерью – это родство с Громовым.

– Ася, если ты считаешь, что твои друзья распахнут свои объятия, узнав о родстве, то ты ошибаешься. Да, Громов Илья состоятельный и не последний человек в городе, он всё это время помогает мне материально, но ты ему юридически чужая. Хочешь, чтобы тебя называли незаконнорожденной – вперёд! Это всё, чего ты можешь добиться. И заруби себе на носу, если ты влипнешь в историю, он не станет портить себе репутацию и вытаскивать тебя из болота. Ты для него никто и звать тебя никак. – Светлана лгала. Громов, после смерти жены, не раз предлагал ей выйти за него замуж, но она отказывала ему. Тем не менее, Ася приняла эти доводы всерьёз.

Девушки с разницей в возрасте почти четыре года, были не только разные по характеру, но и внешне. Ирина была тёмной шатенкой с большими выразительными синими глазами. Средний рост, худощавое телосложение, симпатичное лицо делали её почти «моделью», надень она туфли с высоким каблуком. К её внешности «очень шла» красивая улыбка и добрый взгляд. Она располагала к себе окружающих и готова была помочь любому, кто нуждался в

этом, не прощала обмана и недоверия, и редко меняла решения. Ирина была коммуникабельной и умной, но предпочитала тишину и «одиночество», хотя у неё были друзья. Обязательная, аккуратная Ирина была хорошей хозяйкой. Анастасия догнала старшую сестру по росту, но была чуть «крупнее». Тёмно-рыжие, слегка волнистые волосы и голубые глаза делали её симпатичной. Настя была далеко неглупой, как пыталась казаться. Она могла учиться без троек, но подражала своей компании, которая у неё была на первом месте, и признавала только мать. В присутствии матери вела с сестрой себя сдержанно. Ася меняла свои решения как перчатки, могла соврать и не заметить этого, пообещать и забыть, а на окружающих ей было глубоко наплевать, если они были из «другой» компании.

Ирина привыкла к такому отношению и не удивлялась переменой «настроения» младшей сестры. Ни крики, ни нотации, ни запреты на сестру не действовали. Можно было разговаривать или убедить, только поставив условие. Ещё три года назад два раза в неделю она водила сестру «за руку» в кружки и секции. Начали с музыкальной школы, потом плавание, фигурное катание и танцы. Ася нигде не задерживалась. Ей хотелось всего и сразу без особого труда. Получалось плохо, она разочаровывалась, и в этом были виноватые все кругом, кроме неё. В двенадцать лет Ася наотрез отказалась заниматься чем-либо, кроме гимназии. Ирина вздохнула с облегчением, но радоваться было рано. Уже через год у Аси появилась компания мажоров, с которой она проводила большую часть времени.

Ирина готовила одежду и сумку в гимназию с вечера, зная, что с утра ей предстоит пятнадцатиминутная пробежка с собакой. Двор не позволял Динару «поддерживать форму», и хозяйка в любую погоду, кроме сильного дождя, выходила с ним «на волю». Потом был завтрак и поездка на учёбу. Анастасия только утром принимала решение, в чём пойти на занятия. Формой она пренебрегала и ходила в том, что считала для себя удобным. Начиналась утренняя торопливая утюжка одежды, которая извлекалась из шкафа, куда была небрежно засунута. Начинался «психоз» и на завтрак времени почти не оставалось. Неудивительно, что и сумка не была готова к занятиям. Это повторялось каждый день, но Асю это не волновало. А ещё она не любила вечер пятницы, когда мать затевала стирку, а на них с Ириной была уборка в доме. Один из выходных дней мать посвящала дочерям. Они выезжали в город, ходили в кино, были в кафе, и не важно, какое время года стояло на дворе. Светлана всегда отмечала дни рождения дочерей, беря в этот день выходной, готовила их любимые блюда и покупала долгожданный подарок, как и в Новый год. Домой она приглашали только бабушку и Зою Васильевну, подругу и коллегу, а девочкам давала возможность сходить с друзьями в кафе.

Глава 2

Ирина окончила среднюю школу в две тысячи одиннадцатом году, успешно сдав ЕГЭ. Выпускной вечер она отмечала вместе с одноклассниками в клубе. Было беззаботно и весело. На ней было красивое белое короткое платье необычного фасона, которое подчёркивало стройную фигуру. Она пропустила ни один коктейль, но не пропустила, ни одного танца. Танцуя уже второй медленный танец с молодым человеком, который зацепил её в самое сердце, она мечтала, чтобы этот вечер не заканчивался.

– Хочешь большой, но чистой любви? – спросил Андрей, которому было лет двадцать-двадцать два, и улыбнулся.

– Приглашаешь меня на сеновал? – улыбнулась в ответ Ирина. – Ты часто пользуешься этой легендарной фразой?

– Ты знаешь, откуда она? – удивился он, или сделал вид, что удивился. – Поделишься информацией?

– Я даже знаю, кто её произносит. Ты сам видел старый фильм «Формула любви»? – слегка волнуясь, спросила она. – Так что с сеновалом?

– Можно заменить сеновал неплохой дачей?

– Я подумаю. Ты не ответил на мой вопрос о фильме.

– Будем говорить о кино?

– Нет. Я поняла, что фильма ты не видел, а фразу, возможно, слышал, но до конца смысла её не знаешь по той же причине. Мы не будем говорить о кино.

Было около полуночи, когда Кристина, одноклассница Ирины пригласила её с собой.

– Мы с Егором едем на дачу. Его приятель Андрей хочет пригласить тебя. Составишь компанию? Парни трезвые. Чего ты боишься? Андрей порядочный парень, приехал из Англии. Он там учился с Егором, но Егор вернулся, а он учится и работает.

– А я вам зачем? – удивилась Ира. Она никогда не была дружна с Кристиной Коваленко. – Чего мне бояться? – спрашивала она, а любопытство брало верх. Во-первых, она никогда не была в компаниях «иностранцев». Во-вторых, Андрей ей очень понравился и она решила: «Поеду. Если это и произойдет, то пусть произойдет с тем, кто меня «зацепил».

Около часа они провели вчетвером. Было вино, свечи и танцы. Крис и Егор поднялись наверх, оставив их одних. Андрей привлек Ирину к себе и нежно поцеловал, вдыхая запах её волос. Девушка ему понравилась. Он заметил, что она только пригубила вино, и вела себя естественно, не пытаясь понравиться. «Проще было бы выпить бокал залпом и не ломать комедию», – подумал он, а вслух сказал:

– У тебя очень красивое платье. Ты похожа в нём на ангела.

– На падшего ангела, – тихо ответила Ирина, почувствовав, как Андрей развязывает бант на поясе и расстегивает молнию. – Ты не торопишься?

– Ты не могла не знать, зачем мы сюда едем, – глядя ей в глаза, сказал кавалер. – Возрази мне, если я не прав.

– Догадывалась. Меня подвело нездоровое любопытство, которое ты можешь удовлетворить. Это и хорошо, и плохо, – чуть взволновано говорила Ирина.

– И что ты хочешь узнать? – с удивлением спросил молодой человек.

– Всё! Если что-то не так, я вызову такси и уеду. Ты же не будешь удерживать меня силой?

– Ты за откровенность? – усмехнулся он.

– Ещё вчера я могла бы возразить, а сегодня соглашусь. Тебе же тоже было не всё равно, с кем ты проведёшь ночь? Мы с Крис учились вместе ни один год, но никогда не были дружны, чтобы я доверилась ей, а тебе я доверяю. Не разочаруй и ты меня.

– Ты не только симпатичная, но и умная. Не обвинишь меня в посягательстве на твою честь? – глядя Ирине в глаза, спросил он.

– Ты сам сказал, что я умная.

Дальше Ирина мало что помнила. Каждое прикосновение рук и губ Андрея вызывало у неё трепет. Тело жило своей жизнью, и она не стеснялась этого, «отключив голову». Чувство небывалого «полёта» захлестнуло. Не было сказано ни слова, и ей казалось, что они растворились друг в друге. За окном занимался рассвет, когда Андрей уснул, а она, стараясь не шуметь, прошла в ванную. Одевшись, она никем незамеченная, вышла из дому, вызвала такси и в пять утра открыла входную дверь своего дома. Мама и Настя спали. Тихо, чтобы не разбудить сестру, она легла в свою кровать и сразу уснула. Проснувшись после обеда, Ирина застала на кухне не только мать и сестру, но и бабушку.

– Как всё прошло? – спросила бабушка, обнимая старшую внучку. – Умница, ты моя! Теперь у тебя начинается взрослая жизнь. Университет одолеешь? Как погуляли?

– Весело, – улыбнулась Ирина. – Я вернулась домой на рассвете. Чем я буду заниматься между тем, когда сдам документы в университет до результатов?

– Поезжай с бабушкой к её сестре за город. Связь там есть, можешь контролировать списки поступающих, – предложила мать.

– Мам, я с молодым человеком познакомилась в клубе, если он меня будет искать, скажи, что я уехала поступать в Москву, – попросила Ирина мать.

– Он тебе не нравится? – поинтересовалась бабушка. – Кто он? Откуда? Я так понимаю, что не из вашей компании. Почему ты едешь в Москву?

– Лучше мне его не видеть, бабуля, – ответила внучка.

– И что с нашим принцем на белом коне не так? – язвительно спросила Ася. – Принц не тех кровей или конь не той породы? Так и просидишь одна. Можно подумать, у тебя есть возможность из кого-то выбирать.

– Ира, он тебя обидел? – насторожено спросила мать.

– Мам, я похожа на униженную и оскорблённую девушку? – спросила Ирина, вспоминая Андрея. – Разные мы с ним и ничего хорошего от такого знакомства не получится. Ты же не хочешь, чтобы я потом плакала в подушку? Ты хочешь, чтобы я была счастливой, а для этого нужно сказать то, о чём я прошу.

– Ты выглядишь счастливой. Влюбилась? – ласково глядя на дочь, спросила Светлана Богданова.

– Ась, поехали с бабушкой в деревню, – предложила Ирина сестре, оставляя без ответа вопрос матери. – Будем купаться в пруду, собирать ягоды.

– Поехали. В городе делать нечего, пока мои друзья отдыхают на морях и островах. Почему мы ни разу не были на море? – глядя на мать, спросила Ася.

– Не задавай глупых вопросов. Если Ирина не поступит на бюджет, за учёбу придётся платить, и ты об этом знаешь.

– Пусть идёт туда, где её баллы позволяют учиться бесплатно. Учиться будет она, а я должна страдать без отдыха?

– Не думаю, что ты перетрудилась, – сказала бабушка. – Ира будет учиться там, где мечтает, а вот тебе, голубушка, придётся учиться со своими знаниями, в лучшем случае, в училище.

Андрей «нашёл» адрес Ирины и приехал, когда Ирина уже была в деревне. Светлана Васильевна, как просила дочь, сказала, что она уехала поступать в МГИМО, и будет учиться в Москве. Почему туда, она не взялась бы объяснить, но чувствуя свою вину, продиктовала молодому человеку номер телефона дочери.

– Ириша, тебе нравится новый знакомый? – спросила она, когда дочь вернулась. – Не уходи от ответа, посмотри на меня. Он приходил, я сказала то,

что ты просила, но не смогла не дать ему твой номер телефона.

– Нравится, – ответила Ирина, глядя матери в глаза.

– Он тебе звонил? Ты с ним разговаривала? Парень вроде неплохой, вежливый.

– Зачем? Ну, поговорю я с ним, дальше что? Мам, я не верю в сказку о Золушке и принце. Вчерашняя выпускница и богатенький Буратино – это как день и ночь. Наше знакомство длилось часов пять, и разумнее было закончить его сразу без моих разочарований.

– Ира, что за прошлый век? Живи, влюбляйся, ошибайся, но не замыкайся в себе. Бывает, что минутное знакомство – отношения на всю жизнь, а бывает, что годы знаком, а человека так и не узнал. Мы с твоим отцом знакомы были со школы, потом институт, а уж потом свадьба. Я была счастлива все эти годы и думала, что знаю Богданова как никто другой. Потом в нашей жизни появился Илья Громов. Здесь и выяснилось, что мой Сергей деньги любит больше чем семью. Я пыталась его понять, оправдать, простить, но чем чаще я это делала, тем больше убеждалась в бесполезности. Позже я поняла, что не будь Ильи, был бы какой-нибудь Степан, Иван, Пётр. Громов хороший мужик, но я не любила его. Как я могла начинать жить с человеком с обмана?

– Ты продолжаешь любить отца? – удивлённо спросила Ирина.

– Прошли одиннадцать лет, а он так и остался в моём сердце. Я знаю, что это плохо, что нужно жить настоящим, но у меня не получается. Попробуй жить сегодня, дочка. Не бойся чувств, но не позволяй себя унижать.

– Мам, ты не переживай. Начну учиться в университете, найду себе новых друзей и будет у меня другая жизнь. Я буду счастливой, мамочка, обязательно буду.

Ирина стала студенткой факультета иностранных языков бюджетного отделения университета. Её успеху не радовалась одна Настя. Ирина перестала быть для неё нянькой и девушку это не устраивало. У старшей сестры появились новые друзья и подруги, она проводила в университете большую часть времени, и часть домашних дел теперь легла на Асю. После окончания второго курса университета, Ирина поехала в сентябре в Англию по программе «Эразмус», проучившись до Нового две тысячи четырнадцатого года. Вернувшись домой

перед самым праздником, узнала, что у них часто бывает, практически живёт майор полиции Зимин. Мама очень смущалась, а Ася не скрывала своего недовольства.

- Первое, что он сделал сразу после твоего отъезда, обновил маме машину. Купил нашу маму, пользуясь твоим отсутствием. Почему он не объявился, пока ты была здесь, а дождался твоего отъезда? - сердито спрашивала Ася. - А я тебе отвечу: он боится тебя. Ты у нас видишь человека насквозь.

- Не говори глупости. Взрослому мужчине с серьёзными намерениями глупо бояться дочерей любимой женщины. Ася, маме всего сорок четыре года. Она столько лет тянет нас одна. Может пора ей и о себе подумать? - не понимала сестру Ирина. - Если он хорошо к ней относится, почему сразу «купил»?

- Могла найти кандидата в мужа и лучше, - не унималась сестра. - Лучше, если бы это был Громов.

- Она могла бы, да прицеп в виде нас с тобой не всякий решит тащить. Ты сейчас о ней думаешь или о себе? Если твой отец тебя не жалует, думаешь, ты нужна чужому дяде? Приди в себя и не будь эгоисткой, - сердилась Ирина. - Окончишь школу и выходи замуж за мешок с деньгами, а я посмотрю, найдётся ли этот мешок.

- Мама не любит его, - сказала Настя и осеклась. - Ты дом Зимина видела? Почему ни мы к нему, а он к нам перебрался? Не нужна ему наша мама. Он даже разговора не заводит о переезде.

- Скажи мне честно: ты ревнуешь или тебя что-то беспокоит в их отношениях? - спросила Ирина. - Мама не разговаривала с тобой? Не могла мама поставить тебя перед фактом, приняв его в дом. Рассказывай.

- Нечего мне рассказывать. Он сам объявил, что будет жить с нами. «Мы с твоей мамой хотим жить вместе. Получиться - я на ней женюсь», - сказал он. Вот и все объяснения. Приходит поздно, уходит рано, я его вижу в выходной и то не каждый. Подарки он не делал, кроме машины, а вот питаемся мы хорошо. Теперь на столе чаще попадаются деликатесы, о которых я раньше только слышала.

- А как у тебя дела в гимназии? Как бабушка поживает?

– С гимназией всё нормально. Есть слабые четвёрки, но троек нет. Бабушка к нам не приезжает после знакомства с Зиминим. Вот кто мать ревнует, а не я.

– Бабушка боится остаться одна, если мама выйдет замуж. Она наша бабушка, а маме и Олегу она чужая тётя. Надо ей позвонить и поехать в гости, – говорила Ирина, набирая номер.

– К бабушке на пирожки я не поеду. Этот визит без меня.

Отношения у Ирины с Зиминим Олегом Васильевичем были с одной стороны нормальными, с другой – странными. Он относился к ней с уважением, видя в Ирине свою дочь, которая училась не первый год в Англии, прилетая летом на каникулы. Интересовался учёбой, досугом, планами, но в тоже время как будто избегал с ней частого общения, ссылаясь на занятость или усталость, и никогда не смотрел ей в глаза. Разговор о нём с мамой на чистоту ничего не дал. Мама убеждала, что между ними всё нормально. «Олег любил меня со школы, а после того как я вышла замуж за Богданова, он женился, – говорила мать. – Разве ты не помнишь Лену Зимину? Она училась с тобой до десятого класса. Жена Олега приезжая. Она, говорят, и не болела, а когда её не стало, он отправил Лену в Англию. Девочка сейчас уже в университете учится». Больше Ира не приставала к матери с вопросами, но Зимину почему-то до конца не доверяла, что-то в нём её настораживало. К празднику 8 Марта Зимин сделал всем подарки и «подарил» Ирине водительское удостоверение категории «В», после чего три недели через день занимался с ней вождением. Ирине стоило привыкнуть к машине с коробкой автоматом. Жизнь девушек изменилось в начале апреля. Проснувшись утром десятого числа и выйдя на кухню, Ирина не застав там мать, растерялась. В это время мама всегда готовила им завтрак. Ночью, сквозь сон, она как будто слышала тихий разговор, но убедила себя, что маме не с кем было разговаривать. Зимин в эту ночь дежурил. Войдя в комнату, Ирина пыталась разбудить мать, но Светлана не проснулась. Ася «очнулась» от крика сестры и сама, сквозь слёзы, позвонила бабушке, подруге и коллеги матери. У Ирины началась истерика. Она не слышала слов утешения соседки, и тогда та, наотмашь, ударила её по лицу.

– Приди в себя, девочка. Маму не поднимешь, а ты старшая, на тебе сестра и бабушка, которой семьдесят лет. Возьми себя в руки, – говорила она негромко. – За оплеуху прости.

Мария Ивановна, приехав к внукам, позвонила Громову. Зимин появился в доме к обеду, передав деньги бабушке и выразив девочкам соболезнование. Похороны состоялись двенадцатого, и взяла их на себя клиника, в которой Светлана Богданова работала последние пять лет. Заключение врачей, после вскрытия, говорило об острой сердечной недостаточности. Для Ирины мир рухнул. Она не знала и не понимала как ей дальше жить, что делать, с чего начать. Скоро встал вопрос об опеке Анастасии. Ей исполнялось шестнадцать лет только через пять месяцев. Сестра слёзно просила не отдавать её в детский дом, обещала не создавать проблем и жить дружно. Ирина не смогла бы отказаться от сестры и без обещаний, и попросила помощи у Громова. Илья Петрович помог ей собрать документы для опеки. Но беда, как правило, не приходит одна. После посещения кладбища и поминального обеда на девятый день, Марию Ивановну «хватил» инсульт. Машина скорой помощи доставила её в больницу, где она провела три недели. Бабушке было семьдесят лет, она была парализована и нуждалась в уходе. Прогнозы были неутешительными. Ирина забрала её к себе домой, поселив в комнате матери. Сама ухаживала за пожилой женщиной, кормила её, разговаривала, зная, что та её слышит и видит. Брала за руку, которая была слегка подвижна. Еще не оправившись от одного удара, она приняла второй, зная, что помощи от Аси не будет. Теперь у неё «на руках» была несовершеннолетняя сестра, которая забыла о своих обещаниях, парализованная бабушка и сессия за третий курс. Обратись Ирина к друзьям за помощью – отказа бы не было. Но как просить помощь без объяснения причин бездействия сестры? А их не было. Единственным утешением в этой ситуации была собака. Она рассказывала псу по кличке Динар о своих мыслях, делах и проблемах, как будто он мог дать ей совет. Пёс действительно её понимал, он облизывал слёзы с её лица, тихонько поскуливал, предано глядя в глаза. Ирина умывала лицо и шла к бабушке, боясь своим видом её расстроить. Пожилая женщина как будто чувствовала это напряжение в доме. Она плохо ела, сильно похудела и предпочитала лежать с закрытыми глазами, делая вид, что спит. Ирина не сразу, но раскрыла этот её секрет. «Бабуля, ты меня прости, родная. Я почти не хожу на занятия. Сдам экзамены, буду больше бывать дома. Пока я в университете, наша соседка побудет с тобой. Потерпи немного, родная моя, мы с тобой справимся», – сказала она. Ей удалось хорошо сдать сессию и перейти на четвёртый курс, а вот сестра «скатилась» и умудрилась окончить десятый класс с тремя тройками, хотя до этого была «хорошисткой».

Было около полудня, когда Ирина, включив левый поворот, развернула автомобиль «Субару» на свою улицу и заметила у дома «Тойоту» Зимина. «Что ему понадобилось у нас дома? – спросила она вслух. – Он не появился даже на похороны мамы, а сейчас нарисовался. Прошло три месяца. Всё это не к добру», – подумала она, вспоминая разговор месячной давности с дочерью Зимина.

Елена позвонила Ирине по телефону и пришла к ним домой без приглашения, поставив в известность о времени приезда. Они немного знали друг друга. Одно время учились в одной гимназии, но после девятого класса Лена уехала учиться в Англию. За эти годы она почти не изменилась. Худощавая девушка ростом выше Ирины сантиметров на пять-семь, тёмная шатенка с зелёными глазами. Разговор занял не более пяти минут, но оставил в душе Ирины смутную тревогу. «Раз уж я в городе, решила встретиться с тобой и поговорить, – начала разговор дочь Зимина. – Я плохо помню твою маму, но искренне вам соболезную. Ира, прими один мой совет. Отец далеко не ангел, в чём старается убедить всех, и у него это получается. Я его очень любила, но в какой-то момент в моём отце что-то сломалось. Да, он внимательный, заботливый, возможно, любящий, когда трезв, но в таком состоянии он бывает в последние годы не часто. Я все каникулы обязана была проводить здесь, поэтому это не моя выдумка. Его психика в это время не поддаётся объяснению. Он становится не просто сумасшедшим, он становится безумным. Мало того, позже он не помнит или делает вид, что не помнит, и выходит сухим из воды. Мне страшно и стыдно об этом говорить, но он действительно не только жестокий, но изворотливый тип. Моя мама умерла ни от сердечного приступа, а от его глупой ревности. Мне кажется, он задушил её подушкой, а иначе, зачем, после похорон, напившись, повторял это несколько раз. Я видела его в этот момент – это жуткая картина. Он никогда не наказывал меня физически, но его запреты и оскорбления были как пощёчины. После смерти мамы, я уехала в Англию не по тому, что мечтала там учиться. Он меня отправил туда, даже не спросив моего желания. Возможно, для меня это стало лучшим вариантом, а потом уже я не хотела возвращаться, да он и не настаивал. Для него существует только одно правило: «Я хочу и могу, а что нельзя купить, можно взять силой». Держитесь от него как можно дальше, какими бы не были ваши отношения, не доверяйте ему, никогда не просите помощи – это капкан. Он может уничтожить человека не столько физически, сколько морально». Елена говорила ещё пару минут, а потом уехала.

Ирина, остановила машину у дома, следом за Тойотой Зимина. Стекло у дверей пассажирского места было опущено, а на кресле лежала папка. Машина стояла так, что из окон дома её действия не просматривались из-за дощатого забора.

Достав папку через окно, она расстегнула на ней молнию. Конверт из плотной бумаги, заявление её сестры в полицию об изнасиловании, датированное двумя днями раньше, и другие бумаги, не имеющие отношения к ним. Ирина на мгновение остолбенела. Закрыла папку, взяла её под мышку, достала свой смартфон и, вошла в калитку. Входная дверь днём не закрывалась, на крыльце лежал сторож. Потрепав собаку за холку, Ирина включила диктофон, держа его в руке, положила папку наверх шкафа, встав на цыпочки, и услышала голос несостоявшегося отчима из комнаты, которую они занимали с сестрой.

– Сопли вытри и не ной. Строишь из себя маленькую девочку, а ведёшь себя как шлюха из борделя. Пристегнулась? Молодец! Не будешь дёргаться – управимся быстро, – говорил он, и по голосу было понятно, что он пьян.

– Что здесь происходит? – спросила Ирина, входя в комнату и опустив руку на книжную полку, оставила на ней смартфон. – Вы, товарищ майор, что делаете в нашем доме? Почему моя сестра в наручниках?

– Вот только тебя мне не хватало, – недовольно сказал он. – Что ты вечно появляешься не там, где надо, суешь свой нос не туда? Ты прямо затылком чувствуешь моё присутствие в доме. Чего тебя принесло раньше срока?

– Вы мне не ответили. Если Ася в чём-то виновата, почему Вы один, где участковый и понятые?

– Тебе, действительно, интересно это знать? Полюбуйся, что вытворяет твоя сестра, – говорил Зимин, включая смартфон и находя запись, передал его Ирине, – а потом ответь мне: куда смотрит попечитель, которым ты являешься? Нравится? Ей всего шестнадцать лет, – в его голосе появился металл. – Я кавалера уже наказал, а теперь очередь за твоей сестрой, – сказал он, разрывая на Асе футболку. – Как ты думаешь, для чего он это снимал?

– Какое Вам дело до нашей семьи? Оставьте девчонку в покое, – повысила Ирина голос, не досмотрев до конца и удаляя запись. Ей всё ещё не верилось, что он может навредить Насте, но его глаза были безумны. – Вы кто такой, чтобы нас воспитывать?

– Для вас я сегодня волшебник или злодей, и зависит это от вашего поведения. Ты расстроена тем, что увидела? Сопливая сестра развлекается с твоим парнем –

это обидно. За это надо её наказать. Я ей и устрою настоящий бордель, а ты не мешай, – он упивался превосходством, зная, что старшая сестра не оставит младшую, и что-то задумывая. – Сама не хочешь развлечься? Это даже забавно. Иди сюда, – он схватил Ирину за руку и потянул к себе. – Ты мне нравишься гораздо больше, чем твоя сестра. С ней я займусь позже. Руки за спину завела и замерла, – грубо стягивая её руки поясом халата, говорил он.

– Вы сумасшедший, Зимин? Пришли в чужой дом и творите беззаконие. Пустите меня. Думаете, Вам сойдёт это с рук? – говорила Ирина, кривясь от боли.

– Я не думаю, я знаю. Кто мне может помешать сделать то, что я задумал? Парализованная старуха? Ты пришла немного не вовремя, но это даже лучше – с тебя и начнём, – оскалился он, связывая её руки за спиной. – Говорю один раз, но обеим: будете орать – заткну рты.

– Динар, ко мне, – крикнула Ирина, и, заметив пса в дверях, продолжила: – Взять.

Пёс лаял, он не мог броситься на мужчину, которого знал и который сам учил его командам. Замешательство длилось секунды. Видя, что хозяйка в опасности, он вцепился зубами Зимину в левую руку выше кисти, но, видимо, несильно. Майор закончил связывать руки Ирины и оттолкнув её. Выхватил из кобуры пистолет правой рукой и выстрелил в собаку. Настя закричала, в комнате запахло порохом, а пёс упал на пол, не издав звука.

– Собака, что вам сделала? – дрожащим голосом спросила Ира, опускаясь на колени и припав головой к телу собаки.

– Заткнулись обе. Собаку они пожалели. Мою руку вам не жаль? – говорил Зимин, открывая ящики в поисках перевязки. Он ещё три месяца назад бывал здесь в течение полугода часто и знал, где что лежит. – Ты зачем позвала собаку, дура? Теперь, кто кого. Не скули. Она подохла мгновенно. Вставай, поговорим, пока я добрый, – поднимая Ирину за связанные за спиной руки, говорил он, смахивая всё с письменного стола и усаживая на него Ирину. – Ты, Ирина Богданова, не Богом данная, а обделённая им, так сказать, ущербная. Вместо того чтобы заниматься своей жизнью, ты тянешь на себе парализованную старуху, беспутную сестру, а она тебя предаёт. Откажись от них, сдай бабку в интернат, Настю в детский дом, пусть там устраивает свои выкрутасы. Из этой шалавы уже ничего хорошего не вырастет. Её место на панели. Обменяй этот дом на

квартиру и живи в своё удовольствие, – говорил он, перевязывая руку, поверх рукава форменной куртки.

– Я не могу, – сквозь слёзы говорила девушка. Она не знала, как потянуть время, но была уверена, что услышав крики, лай и выстрел, соседи вызовут полицию. Она очень на это надеялась.

– Вот и мать твоя говорила: «Я не могу», – сказал Зимин со злостью. – Я её со школы любил, а она выбрала твоего отца. Разве это правильно? Где теперь они оба?

– Вы были в доме в ночь смерти мамы? – тихо спросила Ира.

– Был, но тебе этого не доказать. Больше двадцати лет я ею дышал, пока она снизошла до меня. Когда пропал твой отец, я уже тогда предлагал выйти за меня замуж, но она отказала, и я ждал. Дурак был. Ты знаешь, на чём я её взял, устав ждать? На любви к твоей беспутной сестрёнке. Мать бы в гробу перевернулась, узнай, что она вытворяет, но нет, сама под меня легла, спасая сопливую дочь от тюрьмы за дурь. Эта соплячка, – он кивнул на Асю, – мать родную подставила, а дружков своих не сдала. Меня ненавидела, мать стала презирать, а компанию мажоров не бросила потому, что дура. Будь умнее, догадалась, что дружки и «позаботились» о ней. – Зимин на секунду замолчал. – Оказалось, что уступив, Светлана очень быстро стала мне неинтересна. Это была не любовь, а обида, уязвлённое самолюбие. Она, стерва, даже не пыталась как-либо притворяться, что я ей нужен, и хотела со мной расстаться. Разве я мог это допустить? Что мне оставалось делать?

– Папе вы тоже помогли исчезнуть? – спросила Ирина с дрожью в голосе.

– Нет. Его просто никто никогда не искал. Нельзя было, чтобы его нашли ни живым, ни мёртвым. Живого бы мать простила, по мертвому – скорбила. Человек уехал на рыбалку и пропал, бывает. Может он имитировал свою смерть, ведь тело так и не выбросило. Здесь я чист, – говорил он, разглядывая Ирину. – Ты напоминаешь мне Светку в молодости. Глаза – синие, глубокие и умные, а фигура и грудь даже лучше, чем у матери.

– Я не знаю, что у вас на уме, но очень прошу, в память о маме, оставьте нас и уходите. Вы и так нас изрядно напугали.

– В память о маме? Плевал я на вашу маму и на память о ней. Я выбросил её из головы и из сердца, когда она перестала дышать. А уйду я тогда, когда захочу, а захочу я не скоро, – оскалился он. – Ты, дурочка, ждёшь приезда полиции? Какая ты наивная и глупая. Расслабься и получай удовольствие. Они не войдут в дом, заметив у ворот мою машину, – сказал он и с силой рванул на себя блузку Ирины. – Или ты забыла, где и кем я работаю?

– Пожалуйста, не надо, – просила она, не давая повалить себя на стол. Но Зимин хотя и пьян, был гораздо сильнее Ирины. Его руки были словно тиски.

– Я хотел быть с тобой деликатным, но ты сама выпросила, – сказал он, ударив её по лицу рукой, всё ещё державшей пистолет. – Ещё раз дёрнешься, и я тебя пристрелю, как собаку. Вы, девочки, меня недооцениваете. Теперь вы обе в моей власти. Будете ходить по струнке и делать то, что я скажу. Я изведу всю вашу породу.

– Олег Васильевич, товарищ майор, отпустите девушку, – попросил мужчина в гражданской форме, появившийся в дверях. – Не усугубляйте положение. – На пороге стояли человека три с оружием в руках.

Зимин, стоя рядом со столом, на котором полулежала Ирина, развернулся к двери и направил пистолет в сторону говорившего.

– Стоять! Я дважды повторять не буду, – усмехнулся Зимин, – Кто первый переступит порог – ляжет. Живым мне не быть, но и вас парочку прихвачу с собой.

Ирина согнула ноги в коленях и с силой толкнула Зими́на, стоящего к ней боком. Тот не удержался и падал, когда прозвучал его выстрел. Он упал между кроватей девушек, которые стояли поперёк комнаты напротив стола. Спинки у кроватей были слишком низкие, чтобы ухватиться за них и удержаться на ногах. Пуля, выпущенная из его пистолета, угодила в стену напротив. Всё произошло в считанные секунды. В комнате девушек стало тесно от вбежавших людей в гражданской одежде.

– Он мёртв, – сказал один из них. – Здесь пирамида в виде соляного светильнику, он разбил об неё голову.

– Зови понятых, – попросил второй. – Скорая подъехала? Пусть заходят. Нужно посмотреть девушек, – освобождая руки Ирины от пояса, говорил он. – Чем он тебя стукнул?

– Кажется рукой с пистолетом. В соседней комнате наша бабушка. Она не говорит, но всё слышит. Пусть доктора посмотрят в первую очередь её, – сказала Ирина, доставая из шкафа футболку для себя и сестры. – Можно нам переодеться?

– Вещи, которые снимите, положи в отдельный пакет, – тихо ответил второй, освобождая от наручников Настю, которая тихо рыдала. – Где мы можем составить протокол?

– Пойдёмте на кухню за стол, – предложила Ирина. – Я загляну к бабушке, – сказала она и, не дожидаясь ответа, пошла в комнату бабушки. – Бабушка, родная, ты не переживай. С нами всё в порядке, – успокаивала её Ирина, присев рядом. – Зимин приехал пьяным, устроил маскарад с пальбой, напугав нас. Ты успокойся, а я с полицией закончу и сразу к тебе, – говорила она, вытирая на лице бабушки слёзы и целуя её в щёку. – Она справится? Что выпить сестре? – спросила она доктора.

– Давление мы нормализуем, уколём успокоительное, не волнуйтесь, – ответил врач скорой помощи. – Держите таблетку для сестры. Вам самим врач не нужен?

– Спасибо. Я справлюсь, – ответила Ирина, взяла смартфон с полки и прошла в кухню. – Скажите мне честно: вы будете защищать честь мундира или разбираться по существу? – спросила Ирина приезжего. – Если предъявите мне превышение пределов самообороны, найдёте адвоката? – спросила она равнодушно, глядя мимо него и отправляя запись на свой почтовый ящик. – Только, для начала, послушайте, о чём говорил ваш коллега. – Положив смартфон на стол, она включила диктофон, наполнила чайник водой, нажала кнопку и протянула сестре стакан и таблетку. – Ася, выпей, её доктор дал. У нас с тобой на сегодня много дел. Меня от страха и напряжения саму колотит, но это надо пережить. Прошу тебя, не добавляй мне проблем.

Пока следователь слушал запись, сёстры успели выпить по чашке чая. Несмотря на то, что на улице был полдень июля месяца, обеих знобило. Карета скорой помощи уехала, увезли труп, авто Зимина отогнали в отделение.

– Как вы додумались сделать запись? – спросил следователь, глядя пристально на Богданову старшую.

– Чуть больше месяца назад нас навещала дочь Зимина. До её отъезда, мы учились в параллельных классах. Она сама мне звонила и просила о встрече. Мне не так часто звонят и её входящий должен остаться в телефоне. Лена просила, чтобы мы держались от Зимина подальше, не принимали от него помощи, как будто извинялась за отца. Я с ним не виделась месяца три, особо не придавала значения разговору. Сегодня узнала его машину, когда подъехала сама к дому. Какие у нас с ним могут быть дела? Да, он жил здесь полгода, но даже на похороны мамы не пришёл, не звонил, не навещал, а спустя три месяца приехал. Зачем? Что ему было нужно? Я решила себя как-то обезопасить хотя бы записью, вспомнив разговор с Леной, – говорила Ирина. – Как видите, сделала это не зря. Если Вы решите забрать телефон, знайте, я её отправила через блютус на почту. У меня будет копия. Вы всё слышали сами, мне и добавить нечего. Если он на вас направил оружие, что говорить о нас. Что со мной будет? У меня бабушка на руках и сестра под опекой. Мне нельзя в тюрьму, – вытирая слёзы, грустно говорила Ира. – Можно я уложу сестру в постель? – Ася ложись в зале, я принесу плед. Не хочешь спать – полежи. – Она вернулась с пледом и, уложив сестру, присела к столу. – У вас есть ещё вопросы?

– Что была за запись, которую вам показывал Зимин?

– На ней моя сестра занималась любовью со своим молодым человеком. Я её удалила, да Зимин и не возражал. Возможно, он хотел меня этим подставить и лишиться опеки, может сам, что-то задумал. Я не понимаю ни его поведения, ни его поступков. Как Вы думаете, он мог быть причастен к маминной смерти? Он не отрицал, что был в доме, а я себя убедила в том, что слышала голоса во сне, а не наяву. Выходит, и отца нашего не искали, а дело закрыли. Имя парня я вам не назову – это мои проблемы. С ним я сама разберусь.

– Я не дам тебя посадить в тюрьму. То, что он сделал и наговорил при этом – уже приличный срок. Если бы не твой удар, он точно в кого-нибудь попал. Нам запрещено применять оружие в квартирах, где кроме преступника есть ещё люди, а он выстрелил. Я тебе обещаю – для вас всё закончилось. Телефон Зиминной у тебя есть?

– Есть. Вот он. Вы пирамиду забрали, а наши вещи вам не нужны?

– Распишись в протоколе, сложи одежду в пакет, перешли мне запись с диктофона, – говорил он, доставая свой телефон. – Тебе помочь с собакой?

– Помогите мне его вынести на покрывале, а дальше я сама, – попросила она. Провожая следователя, она вспомнила о папке Зимина. – Подождите меня пару минут. – Она вернулась в дом, достала папку со шкафа и, расстегнув её, вынула заявление Насти и конверт, в котором лежали доллары. Оставив их на шкафу, закрыла папку и вышла на улицу. – Это, видимо, его. У нас не было такой вещи.

Ирина поставила машину с улицы во двор и с помощью соседа похоронила собаку, роняя слёзы. Накормила бабушку, как смогла, успокоила её. Она была уверена, что бабушка и разговор слышала, пусть и не весь, и выстрелы. Всё это нужно было как-то объяснить. Просидев рядом с ней не меньше часа, принялась за уборку. Уборка в комнате заняла не меньше часа. Отмыв пятна крови и почти избавившись от запаха пороха, Ирина приготовила ужин. Настя спала. Достав со шкафа конверт, извлекла из него деньги. Корешок долларов купюрами достоинством в сотню были в банковской упаковке. «Хорошо он «наказал» Антона, – думала она. – Это будет и нашей компенсацией за унижение и страх. – Её охватила такая злость на Зимина за его действия, за его выводы о родителях, за то, что он собирался сделать с ней и Асей. – Ты получил по заслугам, Олег Васильевич». – Ирина достала тонкую леску и отрезала от неё сантиметров тридцать. Поместила конверт с долларами в целлофановый пакет, завязав его узлом и привязав к нему леску, опустила в щель между стеной и шкафом над мойкой, закрепив второй конец лески за дюбель, на котором висел сам шкаф. Спрыгнув со стола, заглянув к бабушке и Насте, вышла на крыльцо и позвонила Жилину. «Я жду ровно полчаса. Ты привезёшь мне сто тысяч, иначе, я сдам тебя полиции», – сказала она и отключилась. «Как я могу ещё наказать самовлюблённого нарцисса? У меня теперь нет доказательств, но он об этом не знает, – думала она, присаживаясь рядом со свежим холмиком под черёмухой. – Мне будет не хватать тебя, Динар. Кто меня будет радостно встречать? Кто будет слушать мои новости, и будить по утрам? Ты десять лет был мне отличным другом, а я заставила тебя делать выбор. Люди бывают жестокими. Прости меня, пёс».

– Ты с кем разговариваешь? – спросила Настя, выйдя на крыльцо. – Оплакиваешь собаку? Ир, мне тоже жаль псину, но не убивайся ты так.

– Тебе жаль? В том, что сегодня здесь произошло, твоя вина. Присядь и послушай, что я тебе сейчас скажу, – попросила сестру Ирина. – Не хочу пугать,

но ты должна быть к этому готова: если меня привлекут к суду, то лишат опеки и тебя заберут в детский дом. Подумай, и если надумаешь, обратись к отцу. К себе он тебя может и не возьмёт, но куда-нибудь пристроит. Придётся тебе потерпеть.

- Может, обойдётся? – тихо спросила Ася.

- Я тоже хочу на это надеяться, и у нас всего одна надежда – порядочность следователя. Ума не приложу: что мне с бабушкой делать? Нужно что-то придумать с сиделкой. Нельзя её отправлять в дом инвалидов. У неё кроме нас нет никого.

- Ир, прости меня за Антона.

- Ты его любишь?

- Нет.

- Тогда зачем всё это? Кому и что ты хотела доказать? Как можно спать с человеком, к которому нет чувств?

- Тебе назло.

- Настя, мы с Антоном ни разу не целовались. Мы дружим со школы, но он прекрасно знает, что для меня он одноклассник и всё. Он симпатичный, обеспеченный, но не очень умный, а главное – самовлюблённый. С чего ты взяла, что он мой друг?

- Он сам сказал мне об этом. Ты хочешь сказать, что он мне врал, лишь бы затащить в постель? – не понимала Настя.

- Я тебе лгала раньше? Какой мне смысл, скрывать от тебя нашу близость? Я совершеннолетняя, в отличие от некоторых, и моя личная жизнь никого не касается. Только нет у меня этой жизни, – говорила Ирина, глядя перед собой, и на глазах у неё вновь появились слёзы. – Что происходит, Ася? С каждым днём мы с тобой становимся всё дальше друг от друга. Что не устраивает? Что я делаю не так? Зачем ты согласилась на попечительство, если стараешься меня

не замечать? До обеда спишь, приходишь в себя до вечера, уходишь и возвращаешься под утро. Почему? Может, Зимин был прав и мне стоит заняться собой? Сессия, практика у меня позади. Бросить всё и уехать дней на десять. Тебе трудно без мамы. Думаешь, мне легко? Я могу бросить тебя, а вот бабушку не смогу. Тебя бы связать и оставить в кровати на сутки, чтобы ты поняла какого ей. У неё, в отличие от тебя, с головой полный порядок. Она всё слышит и понимает, но не может двигаться и говорить – это невыносимо.

– Ты меня презираешь? – грустно спросила сестра.

– Я тебя не понимаю. Я всё время была няней, гувернанткой, прислугой, но не сестрой и подругой. Тебе шестнадцать лет, мне – двадцать, что нам мешает жить дружно? – вытирая слёзы, говорила Ирина. – Ты не задумывалась о том, зачем ты вдруг понадобилась Антону? Куда и кому могла попасть запись твоих шалостей? Ведь Зимин, останься он жив, не так глуп и у него на этот счёт был свой план. Мне страшно представить, что могло с нами случиться. Ты слышала его «пламенную речь»? – Ирина на пару минут замолчала. – Выходит, ты и маму заставила сделать выбор. Это из-за тебя мама уступила Зимину, и погибла от его рук. Ты предпочла своих друзей и не сказала мне правды о том, как и почему он попал в наш дом. Господи! Как же я от всего устала. Почему я не могу жить как мои сверстники? – она опять заплакала, уткнувшись лицом в колени, а Ася сидела рядом и молчала. Прошли минуты три, прежде чем Ирина успокоилась. – У меня будет к тебе предложение: если всё обойдётся – потерпи меня год, – говорила Ирина, вытирая слёзы. – Окончишь школу, тебе исполнится восемнадцать, ты сможешь переехать в квартиру бабушки, а мы останемся здесь. Будешь учиться – будешь получать пенсию. Решишь по-другому – будешь выкручиваться сама. Если бы не бабушкина пенсия, нам пришлось бы несладко, а ты к ней почти не заходишь. Тебе так трудно поздороваться с ней утром, пожелать спокойной ночи вечером? Она нас вырастила, а ты нос от неё воротишь. Просишь деньги у отца и тратишь на себя. Не хочу на тебя давить, но определись, наконец: взрослая ты или ребёнок и поступай соответственно. У меня есть друзья и подруги, но у меня нет возможности с ними встречаться. И против твоих компаний я ничего не имею, но тебе никогда не стать на одну ступеньку с золотыми мальчиками и девочками, хоть ты трижды перекрашивай свои волосы и делай очередную татуировку. Как ты этого не понимаешь? Я вот не пойму, почему ты и в учёбе подражаешь им? Через год им оплатят учёбу там, где они захотят учиться. А что будет с тобой? Надеешься на Громова? Глупая ты, Аська. Тебе исполнится восемнадцать лет и он, даже по суду, не обязан тебя содержать. Как до тебя, сестра, достучаться? Какие доводы нужны, чтобы ты услышала меня?

– Я не буду больше встречаться с Антоном.

– Да при чём здесь Антон? Дело не в Антоне, дело в тебе. Если двое нравятся друг другу – это нормально, а если один просто заполняет рядом с собой пустоту, а второй делает это от скуки – это плохо. Встречайся, влюбляйся, ошибайся – это твоя жизнь, но не позволяй собой пользоваться как вещью. Имея четвёрку по истории вместо тройки, ты изгой в компании? Большой глупости я не слышала. Получается, чем ты тупее и глупее, тем круче? Ладно. Поговорили. Как мне разговаривать с Антоном? Я ему звонила, и он обещал подъехать.

– Зачем он тебе понадобился? Пошли его ко всем чертям. Ир, ты только не бросай меня. Я без тебя не смогу и постараюсь быть хорошей. Прости.

– Не нужно стараться. Будь собой, но взрослей и включай мозги, – сказала Ирина, заметила подъехавшую машину Антона и поднялась с крыльца. Она знала, с какой целью приехал Антон после её звонка.

Разговор с Антоном длился минут десять. Правду он ей рассказал или нет, но она узнала подробности съёмки и шантажа.

– Я в тебе не просто разочарована, я готова тебя убить за твои подвиги. Ты знал, сколько лет Аське и это тебя не остановило. Мы были неплохими друзьями многие годы, а ты мне, таким образом, отомстил за мою несговорчивость? Это подло, Антон.

– Я не мстил тебе, Ира. Я сам попал в неприятную историю и делал то, что сказали от страха за свою шкуру. Я трус и совсем не думал в то время о тебе, – хмуро ответил он.

– Тоша, скажи честно: ты и меня считаешь вымогательницей? Звоню, требую деньги, угрожаю полицией – это шантаж.

– Богданова, я знаю, что виноват. Извини. Деньги я привёз. Если тебе станет от этого легче – проси ещё.

– Жилин, я больше тебе не позвоню и не побеспокою. Ты мой характер знаешь, как знаешь и моё финансовое положение. Не думаю, что ввела твою семью в

большие расходы. В утешение могу сказать: Зимин мёртв. Пришёл воспитывать Настю. Я его толкнула, он головой стукнулся о соляную пирамиду. Есть свидетели, но нет уверенности в том, что я останусь на свободе, а не попаду за решётку. Шанс получить срок и какое-то время отсидеть в тюрьме реальный. Вот, как-то так, – не глядя на Антона, сказала Ирина. – Это оправдывает мой шантаж?

– Ты говоришь это мне серьёзно? Я могу помочь?

– Я не в том положении, Тёма, чтобы шутить. Помочь ты мне вряд ли сможешь, а я тебе помогла – записи больше нет, если, конечно, нет копии. Прощай, – ответила Ирина, покидая машину Антона и возвращаясь в дом.

– Чего он хотел? – спросила Настя.

– Это я от него хотела денег. Садись ужинать, а я потом займусь с бабушкой.

– Много взяла? А за что?

– Не язви, мне не до этого. Я не для себя старалась. Тебя к школе оденем, если сяду в тюрьму, какое-то время протянете. Не оценила я работу оператора. Хреновое он снял кино, вот и заплатил штраф, – как можно равнодушнее сказала Ирина.

– Ты о тюрьме лучше не вспоминай. Мне страшно становится от одной мысли. Тебе помочь с бабушкой?

– Посиди с нами пока я её буду кормить. Пусть думает, что у нас всё хорошо. Раньше ложись спать. День был тяжёлый.

В понедельник Ирину вызвали в отделение полиции, а в среду приехала Лена Зимина.

– Я обо всём знаю, успели доложить. Разговаривали душевно, но чувствовалось, что он и их изрядно «достал». Отца похоронили, дело закрыли – тебе не о чем беспокоиться. Забудь, как кошмарный сон. Это был несчастный случай. Лучшее, что могло его ожидать.

– Лена, я не желала ему смерти, так случилось, прости. Ты знаешь, он признался, что был в доме в ту ночь.

– Я в курсе. Мне дали прослушать запись. Ира, в том, что произошло, нет твоей вины. Только и я не в ответе за отца. Может, меня отправил в Англию от греха подальше. Как сестра, бабушка?

– У нас всё без изменений. Что будешь делать?

– Получу через год диплом, возможно, вернусь, но в доме жить не смогу. Выставлю на продажу, куплю квартиру небольшую. Дом пока оставляю на прислугу отца, чтобы за год не разворошили. Я уже сейчас кое-что продаю, – с грустью говорила она. – Мне жаль, что вам с сестрой пришлось пережить подобное унижение. У тебя есть счёт в банке? Я привезла тебе деньги, но хочешь, положу их на счёт. Начнёшь учиться – найми на полдня сиделку, так тебе будет проще в уходе за бабушкой. Я не отдаю тебе последнее, хочу немного помочь.

– Я не могу взять от тебя деньги, – чуть не плача, говорила Ирина. – Это неправильно.

– Сможешь. У меня и причины нет, и в мыслях не было покупать тебя. Ты должна окончить учёбу не смотря ни на что. У тебя сестра выпускница. Ты справишься, а деньги тебе частично помогут. Считай это моральной компенсацией. Чем ещё могу вам помочь? Я буду здесь в течение месяца. Понадоблюсь – звони. Да, скажи мне: это кольцо тебе знакомо? – спросила Лена, держа на ладони широкое кольцо с небольшим бриллиантом.

– У мамы было такое. На нём была гравировка «Светлане»

– Держи. Я нашла его в сейфе отца. Извини.

Открыв шкатулку, где лежали скромные золотые украшения мамы и бабушки, чтобы положить кольцо, Ирина заметила пропажу цепочки с подвеской. Её носила мама.

– Ася, где мамина цепочка? – спросила Ирина сестру.

– Мне нужны были деньги, и я её сдала в ломбард, – спокойно ответила она. – Я тоже имею право на наследство.

– На что тебе нужны были деньги? Алкоголь, наркотики? Из-за них ты готова отдать последнее, что напоминало о маме? Ты не просто эгоистка, ты Иуда. Ты предаешь не только близких людей, но и память о них. У тебя есть неделя, чтобы вернуть вещь на место. Я никогда не контролировала наши расходы, надеясь на твою порядочность, а ты оказалась, мягко говоря, воровкой, – Ирина была сердита на Асю и не понимала сестру. – Я отдам тебе твою часть пенсии и живи, как хочешь. Не смей больше трогать то, что куплено для бабушки. Тебе шестнадцать лет – становись без меня взрослой. Делай, как хочешь, живи в своё удовольствие и сама отвечай за себя, а я умываю руки. С меня хватит!

Лена понадобилась первого августа – Мария Богданова тихо умерла во сне. Ирина не ожидала, что Ася позвонит Громову, но она это сделала по собственной инициативе. Ира позвонила Лене. С их помощью организовали кремацию, и захоронение урны на могиле матери девушек. Поминки устроили в доме с помощью соседей. Ирина ходила словно тень. Похороны двух близких людей за три месяца – это много. Она уже сутки не вставала с кровати, уставившись в одну точку, не вытирая слёз, которым не было видно конца.

– Ира, поговори со мной, – просила Ася. – Хочешь, чаю выпьем или поешь что-нибудь. Я положила мамину цепочку на место, а наркотики я даже не пробовала, а вот пиво пила. Давай поговорим.

– О чём говорить? О том, что я осталась одна на всём белом свете или о том, что мне жить не хочется? – сквозь слёзы говорила старшая сестра. – Я разговаривала с тобой по душам три недели назад. Помогло? Ты меня услышала? Ты сделала выводы из всего сказанного и услышанного? Тебе нет дела до того, что я чувствую, о чём я думаю, о чём мечтаю. Для тебя есть ты и твои желания. Ты сейчас думаешь о том, чтобы остаться здесь. Это единственное, что тебя волнует. Бабушки нет, а для тебя наступил тот момент, когда я могу от тебя отказаться. Не переживай, я самостоятельно не сделаю такую глупость, если ты сама всего не испортишь. Но и жить, как раньше, мы уже не будем. Подумай, что тебе нужно купить в гимназию. Через пару дней мы этим займёмся, а пока оставь меня одну. Я не хочу тебя слушать. Сегодня ты обещаешь мне кучу всего, а завтра забудешь об этом.

Анастасия была готова к началу занятий в гимназии уже через неделю. Возвращаясь домой с покупками, Ирина сделала круг и привезла Асю на одну из старых окраин города.

– Зачем мы здесь? – спросила сестра. – Какие у тебя здесь дела? – глядя в окно, не унималась Ася, рассматривая аварийные дома в два этажа с дворами, где сушилось бельё, юных мамаш с колясками и подростков, оседлавших скамейки, которые курили, пожилых мужчин за игрой в карты, которые выражались матом. Кроме зелени больших деревьев, всё оставалось серым. Казалось и воздух пахнет пылью, а об асфальте здесь давно забыли.

– Это небольшая экскурсия в реальную жизнь большинства твоих сверстников. Думаешь, они не хотят жить немного лучше? Они тоже не выбирали родителей, просто им повезло меньше, чем нам. А чем они хуже нас? Кто-то из них выберется из нищеты, а кто-то останется в ней, обрекая уже своих детей на существование, – говорила Ирина, неспеша ведя машину. – Жалуюсь на свою жизнь, вспоминай иногда о том, что видела. У тебя есть тёплый дом, почти законченное образование, ты не ходишь голодной и босой – это уже хорошо. Хочешь большего – дерзай, всё в твоих руках. Прости, если я испортила твоё настроение. Я это сделала в воспитательных целях. Ты иногда спускайся на грешную землю, после встреч со своими друзьями.

Ирина переоформила квартиру бабушки, согласно завещанию и сдала её на год в аренду. С первого сентября у девушек началась учёба. Теперь Ирина, пока позволяла погода, домой после занятий не торопилась. Отношения с Настей не стали хуже, но их нельзя было назвать дружескими. Вечера она проводила дома, по субботам встречаясь с друзьями, но разговоры сводились к диалогам: «Как дела в школе?» – «Нормально». «Помощь нужна?» – «Нет». «Сообрази сама ужин, у меня работа» – «Хорошо». «Продукты я купила. Чего не хватает – купи сама» – «После школы зайду». Теперь Ирина занимала комнату, которую занимала мама, а потом бабушка, перенеся свою кровать и сделав перестановку, а Ася осталась в своей. Утром старшая сестра готовила завтрак, через день обед, после завтрака завозила Асю в гимназию и ехала в университет. Двадцать шестого сентября Анастасии исполнялось семнадцать лет.

– Ася, у тебя день рождения в пятницу. Я сделаю тебе подарок деньгами. Пригласи подруг в кафе или клуб, но без фанатизма и в рамках. Соседи не поймут, если ты устроишь праздник дома.

– Ир, тебя просили зайти в гимназию. Замечаний и двоек у меня нет. Причины я не знаю, – сказала Ася.

– Поедем, завтра минут на десять раньше и разберёмся.

Ирина Богданова окончила эту гимназию в одиннадцатом году и была знакома с классным руководителем Аси. Она преподавала русский язык и литературу.

– Доброе утро, Галина Ивановна. Что у нас произошло?

– Ты не волнуйся, Ирина Сергеевна. С поведением и учёбой у нас проблем нет. Ты с ней дома справляешься? – участливо спросила учительница.

– Справляюсь. Мы видимся час утром и два вечером, время на выяснение отношений не остаётся. Живём, если честно, как соседи, – ответила Ирина. – Она меня слушает, но не слышит, или не хочет слышать. Мы так и не стали с ней ни сёстрами, ни подругами. Может в этом моя вина? Если дело не в учёбе то в чём?

– Ты слышала о поездках наших чад в Англию на каникулах? Как ты отнесёшься к тому, чтобы Ася с группой из десяти человек зимние каникулы провела в языковом лагере Англии? Я должна узнать твоё мнение, прежде чем озвучить ей эту возможность. От тебя будет нужно разрешение на вылет, паспорт, билеты на перелёт. Потянешь? Нужно ли ей это? Заслуживает ли она? Я знаю, о чём ты сейчас думаешь. Настя попала в эту десятку с барского плеча, для галочки, но это не так и зазорно. Язык она знает лучше любого другого, да и общается она с нашими мажорами на равных. Надо этот шанс использовать.

– Настя полетит в Англию. Я всё, что от меня зависит, сделаю. Разочарований не будет? Комитет может передумать и выбрать другого кандидата? – всё ещё сомневалась Ирина.

– Не переживай. Документы оформляются не один месяц. Всё будет хорошо, – убеждала её классный руководитель. – Попробуй дать ей больше самостоятельности, перестань её опекать, пусть становится взрослой не только внешне.

Вернувшись с занятий, Ирина сама начала с Асей разговор о возможной поездке. Передав разговор с классным руководителем, Ирина внимательно посмотрела на сестру.

– Если ты прилично закроешь полугодие, у комитета не будет претензий, а вот от твоих друзей будут и большие. Готовься. Мой тебе совет: не ссорься с ними. Напомни: где и как они два раза в год отдыхают, и как ты проводишь свои каникулы. Попроси оплатить тебе поездку, пообещав при этом стать прежней. Это будет не хуже пощёчины.

– Откуда ты это знаешь? – удивилась сестра.

– Аська, я три года назад была на твоём месте. С тех пор ничего не изменилось. Меня в классе называли Ирина Сергеевна за то, что я была не такая как все. Мне мама давала советы. Я к ним прислушивалась и не поддавалась на провокации. Особой дружбы ни с кем не водила, но не позволяла себя унижать. Для видимости приблизила к себе Антона, чтобы не выглядеть белой вороной. Кто же знал, что эта дружба закончится таким образом. Ты для начала займись паспортом. За три месяца мы частично заменим твой гардероб. Не будем справляться сами, попрошу помощи у Громова.

– Я помню как мама и бабушка гордились тобой, когда ты на семестр уехала по программе в Англию. Как мы все ждали твоего возвращения перед Новым годом, – говорила Ася. – Ир, я не была нигде, а тут сразу Англия. Ты мне расскажешь о ней?

– Расскажу. Знаешь, о чём я мечтаю? Ты получишь аттестат, я получу диплом и полетим мы в Турцию дней на пятнадцать, где тёплое море и много фруктов, – мечтательно говорила Ирина.

– Ты хочешь меня успокоить, если не прокатит поездка в Англию?

– Поездка в Англию зависит от тебя, а Турция будет нашим призом за окончание учёбы и примерное поведение.

– Ир, ты из-за меня не дружишь с парнями? Какого принца ты ждёшь? – нерешительно спросила Ася.

– Тебе это действительно интересно? – спросила Ирина, глядя на сестру. – Я не такая безгрешная, как ты думаешь. В моей жизни был принц и одна сказочная ночь. Это был мой выпускной вечер. Я увидела его в клубе и утонула в его карих глазах, как в омуте. Мы продолжили вечер на даче одноклассницы, а с рассветом, пока все спали, я сбежала.

– Почему? Испугалась разговоров?

– Трудно сказать чего я боялась больше. Мне казалось, позови он меня, и я пойду за ним. А что будет, если не позовёт, а пошлёт? Проснётся утром, а рядом не та. Была не уверена в себе и сбежала от возможного разочарования, не хотелось быть отвергнутой.

– Вы больше не виделись?

– Мама говорила, он приходил, но для него я уже училась в Москве, хотя мы с тобой и с бабушкой были в деревне. На звонки я не отвечала. Через месяц он перестал мне звонить. Я знаю, что ты мне можешь сказать. Я сделала большую ошибку. Всё могло быть по-другому, а могло оказаться миражом. Три года прошло, а он сидит в моём сердце занозой, и забыть не получается.

– Так не бывает, – возразила Ася.

– Много ты понимаешь. В жизни всё возможно. Ты не путай влюблённость и страсть с любовью. Она бывает и взаимная, и безответная. Одна любовь – окрыляет, другая – приземляет. У меня, от короткого знакомства с ним, остались в памяти его нежные губы и карие глаза, – грустно говорила старшая сестра. – Что-то я с тобой разоткровенничалась.

– Почему мы раньше с тобой так не беседовали?

– Ты меня об этом спрашиваешь? Ты задай этот вопрос себе и попробуй на него ответить.

– Я не такая и плохая. Мама тебя любила больше, бабушка обожала, даже Зимин уважал, а я была никому не нужна.

– Не прикидывайся брошенной сироткой. Мама любила нас одинаково, а баловала тебя одну. Без бабушки одна она нас не потянула. Бабуля нас вырастила, а ты что сказала на её замечания? «Ты мне никто». Это ты относишься к ней как к чужой, а не она к тебе. Ты сейчас ждёшь, что я тебя обниму за плечи, поцелую в макушку, прижму к себе, скажу что-нибудь ласковое, как мама. Мне тоже этого хочется, но я не могу этого сделать после твоих слов: «достала», «отвали», «заколебала». Ты ни разу не спросила: «Ир, что тебя беспокоит? Как у тебя дела?» Нам нужно пережить это вместе, а ты шарахаешься от меня как от прокажённой. Теперь ты знаешь, что можно общаться без взаимных упрёков и претензий. Просто сказать то, что тебя волнует или радует. Пусть разговор ничего и не даст, но ты знаешь, что тебе если и не помогут, то выслушают.

– Давай попробуем жить мирно.

– Ты себе это скажи. В плену я тебя не держу и твой рабский труд не использую. Я никогда и ни в чём тебе не отказывала, а если не было возможности, просто просила немного подождать. Разве было по-другому? Ни одной вещи не купила без твоего согласия, хотя имела такое право, а ты считаешь, что моя обязанность только оплачивать дом и кормить нас с тобой. Попробуй неделю побыть самостоятельной, а я в эту неделю побуду невидимкой.

– Ты говоришь мне это серьёзно? Жить без ограничений?

– Абсолютно. На данный момент у тебя есть обязательства перед поездкой – значит, в гимназию ходить придётся, но решать тебе. Ограничение одно: в 22 часа ты должна быть дома. Это не моя прихоть, это условие опеки и ты об этом знаешь, – говорила Ирина, глядя на сестру. – Если не возражаешь, я буду подвозить тебя на занятия.

– Нет, я буду ездить маршруткой.

Теперь Ирина уезжала на занятия одна, а возвращаясь, перекусывала на кухне, убирала за собой посуду и уходила в свою комнату. Она видела, что сестре хочется что-то сказать, но сама вопросов не задавала. Ася приглашала сестру на ужин, который проходил в полной тишине. Младшая сестра не находила тем для беседы, а старшая не настаивала. Помыв за собой тарелку, Ирина поднимала большой палец правой руки вверх и удалялась к себе. Эксперимент закончился

через три дня. Асю «прорвало» на третьем ужине.

– Всё! Я так больше не могу. Не хочу добираться маршруткой, мёрзнуть на остановке, не хочу каждый вечер придумывать ужин, который не получается, а от стирки одни неприятности, – говорила она, глядя на Ирину.

– Ты сама отказалась от поездок со мной. Некоторые вещи лучше стирать вручную, а перед стиркой разобрать бельё по цвету. Ужинать можно бутербродами, – улыбнулась Ирина. – Я видела квитанции пришли. Сама справишься?

– Издеваешься? – возмутилась Анастасия.

– Ась, у тебя с поясницей всё нормально? Почему ты боишься переломиться? Я дома и ты могла спросить совета, попросить помощи. Это не гордость, сестра, это глупость.

– Прости меня. Я действительно самовлюблённая дура. Я буду неплохим подмастерьем, но давай всё вернём назад. Договорились?

Как-то с этого времени Настя стала «меняться». Происходило это постепенно, но заметно, хотя и по мелочам.

Глава 4

В начале ноября Ирина осмелилась позвонить Громову. Не то, чтобы она не справлялась с Асей, или не хватало денег, просто ей хотелось, чтобы отец знал, что дочь его не так и плоха, а поездка была поводом. Кроме того, пора было переоформлять документы на дом и машину. Они встретились в кафе.

– Почему ты не приехала в офис? Что у вас случилось?

– Илья Петрович, Ася с группой из гимназии во время каникул летит в Англию на две недели. Вы можете мне оплатить перелёт? Здесь банковские реквизиты гимназии, сумма и наименование платежа.

– Убери эти бумажки. Оплатишь всё сама, – говорил он, положив на стол конверт. – Что за поездка? Как вообще у вас дела? Расскажи всё, что считаешь нужным.

Ирина коротко рассказала о своих отношениях с сестрой.

– В последнее время я часто себя ловлю на мысли, что она специально выпускает колючки, что вся её бесцеремонность и безалаберность напускные, – говорила Ирина, глядя на Громова.

– Знаешь, как она меня называет? Папенька. В этом слове столько ненависти и презрения, а я по большому счёту не сделал ничего плохого. Да, я не ангел, но и не дьявол. Я дружил со старшим сыном Марии Ивановны, знал и твоего отца. Ваша мама понравилась мне ещё на свадьбе. Как говориться «запал». Она сама уступила мне, узнав о любовнице Сергея. Когда родилась Настя, я готов был к разводу, но Света мне отказала. Жизнь с Сергеем не налаживалась, она решила переехать в квартиру своей бабушки, вот тогда я и купил часть дома. Светлана переехала с вами, Сергей остался с матерью, а я у разбитого корыта. Это я втянул твоего отца в криминал, с его молчаливого согласия. Деньги любят все. А когда на горизонте могла появиться тюрьма с приличным сроком, как-то попытался помочь. Вот только не знаю, получилось ли.

– Мама знала, чем занимался отец и почему пропал?

– Она сама предложила вариант. Видишь ли, он мог не выжить на зоне, не говоря о запрете практики и клейма «уголовник». Она не хотела, чтобы это отразилось на вас. Сергея Света отпустила, а меня так и не приняла. Помощь принимала, но от встречи с Настей отказывалась. «Как я объясню Ире, что её отец пропал, а Настин жив и здоров? У тебя Илья семья, сын растёт. Занимайся сыном, а с девочками я разберусь сама. Расскажу, когда придёт время», – это её слова. Ты об этом узнала в сознательном возрасте. Какая была реакция?

– Отрицательная. По словам бабушки, Вы – мерзавец, а мой отец – подлец. Я даже не могу сказать, кого она больше винила сына или Вас. Бабушка нас любила, несмотря ни на что. У неё кроме нас никого не было. Теперь и у меня осталась только Аська.

Спасибо Вам за помощь. Мне бы извиниться перед Вами, но я не знаю как. Считаю Вас почти врагом, я в трудную минуту обращаюсь именно к Вам и получаю помощь. Разве это нормально?

- Ты просто не знала всего. Я мог оформить опеку, но я не смог бы причинить вам с сестрой горечь разлуки. Я контролировал её учёбу, а на выпадки отвечал так же. «Папенька, здесь денег на один поход в клуб, а мне нужно на месяц», - говорила она. «А ты ходи в конце месяца», - отвечал я ей. Я знал, как и на что вы живёте. Открыл карту и перечислял деньги, как это делал при жизни Светы. Она внутри конверта. Код - день рождения Насти.

- Илья Петрович, почему Вы ни разу не пришли к нам?

- Не зная всего, вы меня ненавидели, презирали. Я был на похоронах Светы, разговаривал с Марией Ивановной. Я не стремился стать отцом, но я мог стать просто приятелем. Бабушка ваша считала иначе и отправила меня прямым текстом.

- Илья Петрович, проходите к нам на Новый год. Пусть это будет днём и на полчаса, но повод подходящий. Будете Дедом Морозом. Второго числа Ася улетает.

- Спасибо за приглашение. Ты решила вопрос с домом?

- Собираюсь, но не знаю с чего начать. Подскажете?

По дороге домой Ирина анализировала свой разговор с Громовым, и на душе было скверно. Так бывает, когда обидишь человека без вины виноватого. Сняв верхнюю одежду и повесив сумку в прихожей, она прошла в кухню, где хозяйничала Ася.

- Что-то случилось? - спросила она, видя, что старшая сестра расстроена.

- Присядь. У меня так скверно на душе, плакать хочется, - ответила Ирина и передала разговор с Громовым. - Ты понимаешь, что две идиотки повесили на него заочно ярлык негодяя? Нам даже в голову не пришло задать ему всего один вопрос: как ты появилась на свет? После похорон мамы бабушка его на порог не

пустила. Он предлагал взять тебя под опеку, ничего не меняя в нашей жизни, а я уперлась как осёл, считая его подлецом. Бабушка масла в огонь подливала. Теперь я понимаю – она боялась, что мы станем к нему ближе, и она останется одна. Теперь ты понимаешь, что ни он подлец, а мы неблагодарные дуры?

– Я видела его недавно в гимназии. Выходит, он приходил ради меня? Может и поездка его рук дело? Я виделась с ним раз пять, и меня прямо распирало наговорить ему гадостей. Понятно, что он не святой, но с моей стороны был явный перебор. Что теперь делать? На душе, действительно, как-то паршиво. Слушай, а может он врёт? Хочет казаться в наших глазах белым и пушистым?

– Ему проще забыть о нас, чем врать и притворяться. Это ни я ему конверт передала с деньгами, а он мне. Это у него бизнес, а не у нас. Какой бы он не был, а счёт тебе пополняет каждый месяц.

– Ир, может забыть всё? Я столько всего ему наговорила.

– Забыть, Асенька, не получится. Тебе придётся извиниться, если он появится. Ты его не обязана любить, но уважения он заслуживает хотя бы за то, что не держит на нашу семью зла. Завтра я положу деньги на счёт, и перелёт будет оплачен. Тебе останется определиться с вещами и не нахватать двоек. Небольшие деньги получишь в долларах перед отлётом. Можешь привезти Громову в подарок шарф – в Англии это модно.

Новый две тысячи пятнадцатый год Настя отмечала с сестрой, чему Ирина была приятно удивлена и довольна. Вчера они вместе наряжали ёлку, и она вспомнила, как трёхлетняя Настя тайком разворачивала конфеты, висевшие на ёлке вместо игрушек, съедая их и оставляя только фантики и нитки. Мама, вешая конфеты на ёлку, говорила: «Праздник пройдёт, а новогодние конфеты останутся». С самого утра сёстры были заняты на кухне. Хотелось создать атмосферу праздника не только для глаз, но и для желудка. Около пятнадцати часов, когда к праздничному столу осталось приготовить только горячее, к дому подъехала машина.

– Ира, к нам гости пожаловали, – сказала Ася, заметив это в окно.

Ирина вышла из кухни на веранду, чтобы открыть входную дверь и встретила на крыльце Громова и молодого человека. Илья Петрович был слегка взволнован.

- С наступающим Новым годом! Деда Мороза примете?

- Проходите. Здесь можно раздеться. У нас в доме тепло.

- Девочки, познакомьтесь. Это мой старший сын Сергей Громов, - сказал он, глядя на Настю. - Он со мной вроде как Новый год, хотя и переросток. Настя, ты называй меня Илья Петрович в честь праздника, забыв о папеньке. Договорились?

- Хорошо, пусть будет Илья Петрович, - улыбнулась Ася. - Вы меня простите за грубость и глупость. Обещаю исправиться.

- Показывай, как живёшь, - попросил Громов, проходя вглубь квартиры. - Какие отношения с соседями?

- Нормальные. Это моя комната, а напротив комната Ирины.

- Что у тебя с поездкой?

- Вещи собрала, сумка ждёт своего часа. Вылетаем второго, возвращаемся семнадцатого. Я полугодие окончила без троек. Вы голодные? Мы столько всего наготовили. Вернее готовила Ирина, а я была на подхвате. У нас даже домашний торт есть.

- Мы обедали, но от чая или кофе с тортом не откажемся, - сказал Сергей, рассматривая с интересом сестёр. Он если и знал об их существовании, то никогда не встречался с ними и видел в первый раз.

- Вы давно не были в этом доме? - спросила Ирина Громова.

- Почти пятнадцать лет, - ответил он с грустью.

- Проводите с нами старый год, Илья Петрович. Для нас он был очень непростым и тяжёлым. Я не предлагаю вам крепких напитков, у нас их просто нет, а вот салаты мои, вам стоит попробовать. Присаживайтесь к столу, - пригласила Ирина. - Ася, давай приборы и тарелки.

– А ты критики в адрес салатов не боишься? – спросил Сергей.

– Такие в ресторанах не подают, – говорила Ирина, ставя салатники на стол. – Там всё рассчитано на внешний вид, а мои салаты на вкус. Приступайте, сами оцените, а я пока чай заварю и кофе сварю. Ася компанию вам составит.

– Это действительно вкусно, – говорил Сергей, попробовав один салат. – Весь салат разный?

– Абсолютно. В трёх повторяется мясо кур, а в двух – сыр, правда, всех объединяет майонез.

– Пап, ты когда-нибудь ел курицу с мандаринами? Я что-то подобное пробовал, но мандарины были жёсткие и вкус другой.

– Я теперь и курицу с виноградом попробовал, – улыбнулся Громов. – Какие вы, девочки, молодцы. Отошли от привычного оливье и удивили. Это действительно вкусно. Мы к вам тоже не с пустыми руками пришли. Сейчас молодой человек даст оценку вашим кулинарным способностям и принесёт мешок с подарками.

– Я ещё не всё попробовал, – шутил Сергей. – Подождут.

– А мы тебя и не торопим.

– Я передумал. Пока будешь раздавать снегурочкам подарки, я незаметно положу себе добавку, – говорил Сергей по пути в прихожую и возвращаясь в кухню. – Держите.

– Здесь конфеты, фрукты, всякая мелочь, – говорил Громов, доставая упаковки и коробки из большого пакета. – Это подарки лично от нас, – он подал две празднично оформленные упаковки.

– А что там? – с любопытством спросила Ася.

– Открывай, узнаешь, – ответил ей Сергей. – Пап, это надолго, – глядя на отца, сказал он и подмигнул Ирине. – Мы успеем кофе с тортом выпить.

Ирина заметила как похожи Сергей и Анастасия на Громова. Единственное, что их отличало – это прямые короткие волосы отца и брата от локонов Насти, а цвет волос был тёмно-рыжий.

– Ира, – это новый смартфон Samsung Galaxy S6 последняя модель! – говорила радостно Ася. – Посмотри, какой классный. – Спасибо, – добавила она и поцеловала по очереди Громовых в щёку. – Ир, а что у тебя? Давай я посмотрю.

– Успокойся, торопыга. Они абсолютно одинаковые, кроме цвета корпуса, – усмехнулся Сергей. – Ира, готовь торт и кофе – пусть забавляется.

– Торт режь сам, чтобы не было причин упрекнуть меня в жадности, – сказала Ира, доставая торт из холодильника и ставя его на стол. – Похожа рожица на козу или овцу?

– Она похожа на Чебурашку. Это ни рога, а уши, – усмехнулся Громов младший. – Будем дегустировать.

– Ира, твой телефон золотистого цвета, а мой серебристого. Скажи Деду Морозу спасибо.

– Спасибо, Илья Петрович и Вам, и Сергею. Я, честно сказать, не рассчитывала на ваш приезд. Чудеса под Новый год случаются. Я рассказала обо всём Насте. Думаю, вам стоит, если и не дружить, то общаться, но с одним условием – Вы не балуете Анастасию, а она от Вас лишнего не требует, – говорила Ира, ставя чашки и наливая в них сваренный кофе. – Не скромничайте. Гостей у нас не будет, готовили по привычке – праздник. Как на вкус?

– Ты скажи брату, как торт называется, – улыбнулась Настя. – Торт называется «Ум отъешь».

– Сестра часто его делает? – не сдержался Сергей.

– Хочешь сказать, что я весь ум съела вместе с тортом?

– Почему хочу, я уже сказал.

– В этом ты братец не прав – у меня раздельное питание, да и мозги я отключаю во время еды.

– Теперь я не сомневаюсь в кого она такая, – улыбнулась Ирина, глядя на Громова.

Гостей провожали часа через два.

– Ира, как здорово всё прошло. Мы как будто давно знакомы. В первые минуты я очень испугалась, а извинилась – стало как-то весело. Ещё и эти подарки. Почему ты мне не сказала, что они приедут?

– А я и не знала. Приглашала Илью Петровича ещё в ноябре, но не была уверена примет ли он приглашение, приедет ли. Чтобы я тебе сказала? Его решение познакомить нас со своим сыном было правильным. Мы уберём с тобой посуду, и занимайся своей игрушкой.

– А ты?

– Ася, меня мой телефон устраивает. Он за сегодняшний день ни разу не подал голоса. Мы с тобой ужинать будем?

– Ир, ты не готовь горячее. Нам с тобой хватит салатов, а ещё есть деликатесы и даже икра. Я теперь окончательно поняла, что Громов не так уж и плох. Разве он пришёл, да ещё и с сыном, будь я ему до фонаря? А подарки? Ты знаешь, сколько это всё стоит?

– Догадываюсь. Делай, сестра, выводы.

– Ир, ты представляешь, что будет в аэропорту, когда меня группа увидит? – спрашивала с детской непосредственностью Ася. – На мне все вещи модные, волосы натуральные и новый смартфон.

– Тебе очень идёт новый имидж. Не забывай менять стельки в кроссовках и носки – ноги должны быть в тепле, и береги от ветра уши. Мне не хочется лечить твою простуду после поездки.

– У меня есть предложение: мы с тобой включаем телевизор, берём фрукты, садимся на диван, укрывшись пледом, смотрим и ждём боя Курантов. Встретим Новый год шампанским, конфетами и мандаринами, – весело говорила Ася.

– Я согласна! Несу плед, а ты неси мандарины. Именно они напоминают всем Новый год. Знаешь почему? Более тысячи лет назад в Китае, согласно учению Фен-Шуя, мандарины считались символом успеха, счастья, богатства и долголетия. Гости, которые приходили в дом, приносили парочку этих солнечных цитрусовых, желая тем самым хозяевам благополучия, счастливой и долгой жизни, а уходя, уносили с собой другую парочку. Их называют золотыми яблоками, а созревают они в ноябре. У нас они появились позже. Как-то стали доступны, и теперь без шампанского, ёлки и мандаринов у нас Новый год и не праздник.

Ася своим появлением в аэропорту, действительно, вызвала некоторое замешательство. Она игнорировала форму и ходила на уроки в одежде «с чужого плеча» тёмных тонов, красив волосы в немыслимый цвет. Новый образ никак не вязался с прежним. Яркая красная короткая куртка, узкие джинсы, белые высокие кроссовки, белый шарф и меховые наушники делали рыжую девушку модной и стройной.

– Звони мне хотя бы раз в два дня вечером, – просила Ирина, передавая Асе сумку и рюкзак. – Я обязательно тебя встречу.

– Я всё помню, сестра. Не переживай и не скучай – я скоро вернусь назад. Не жди, езжай домой.

Проводив Анастасию, Ирина затосковала. На две недели она осталась совершенно одна. Чтобы как-то скоротать выходные дни, позвонила подругам, но они обе были за городом. Идти было некуда. Мороз в тридцать градусов отбил желание ехать на каток. А через два дня потеплело до двадцати, и начался «апокалипсис». Небеса решили выдать всю месячную норму осадков в виде снега. Снег, не переставая, шёл сутки. Единственное, что утешало – безветрие. Дорожные службы не справлялись со снегом, пытаться поехать в город, было неразумно. Так до самого Рождества Ирина просидела дома, отвечая на редкие телефонные звонки, готовясь к экзамену и «прокладывая туннель» к калитке, как снегоуборочная машина в одну рабочую силу. Сдав одиннадцатого января экзамен, она бездельничала до начала практики перед госэкзаменами. Утром семнадцатого января, в субботу, она ждала сестру в

аэропорту.

– Иришка, как я за тобой соскучилась, – обнимая сестру, говорила Ася. – Мы с тобой подвезём одного молодого человека до города? Нам по пути.

– Дождитесь багаж, а я прогрею машину и жду вас в ней.

Ася с молодым человеком, несущим багаж, подошли к машине. Поставив багаж в салон, парень открыл переднюю дверь авто перед Асей и только потом сел сам.

– Доброе утро. Я, Александр Барский. Учусь в параллельном классе с Асей, – представился он. – А Вы её старшая сестра Ирина?

– Да. Ася моя младшая сестра.

– У меня для тебя столько новостей, – говорила Ася, садясь рядом с сестрой. Она всю дорогу рассказывала, где были и что видели. Ирина задавала вопросы, изредка поглядывая на молодого человека на заднем сиденье. Парень всю дорогу молчал, лишь отвечая на колкости Аси. На взгляд Ирины, он был типичным «ботаником» – молчаливым и остроумным. С другой стороны он был слишком моден для ботаника. Молодого bruneta, ростом до ста восьмидесяти сантиметров и аккуратной стрижкой не портили даже очки.

Едва переступив порог, Ася опять повисла на шее сестры.

– Мне тебя там не хватало. Как тебе Алекс?

– Я знакома с ним сорок минут, которые он просидел молча. Что я могу о нём сказать?

– Ир, я, кажется, влюбилась.

– Влюбилась или кажется? – улыбнулась Ирина.

– Ты знаешь, что его очки полная фигня? Они с простыми стёклами. Барский не только умный, но и весёлый, с юмором, простой. С ним очень легко. А ещё он признался, что влюблён в меня с девятого класса, что я полгода была под

действием тёмных сил из-за стресса, а теперь становлюсь прежней. Убеждал меня в том, что нельзя быть счастливым, делая несчастными других. Ира, я могу с ним дружить, приглашать в гости?

- Можешь, Ася, но не в ущерб учёбе. Осталось пять месяцев до ЕГЭ. Если твой Алекс тебя любит, пусть подтянет тебя по тем предметам, которые хромают. Встречайтесь, общайтесь, не забывая о своём будущем. Мне не нужно напоминать тебе о контрацепции? Будет время, сходи к маминной подруге. Это не стыдно, Ася. Будет позже стыдно признаться, что в восемнадцать лет ты безграмотная, и предстоит делать выбор между абортом и рождением ребёнка.

- Ты так спокойно об этом говоришь, - смутилась Ася.

- А ты считаешь, что мой запрет даст результат? Я могу посоветовать, но решать тебе. Да, ещё один совет: приглашая Сашу в гости, следи за порядком в своей комнате. Парни, как правило, не любят нерях, - улыбнулась Ирина, - хотя могут быть исключения.

Александр Барский был в семье единственным поздним ребёнком. Его родителям было за пятьдесят. Они оба были врачами в городских больницах, а последние десять лет работали в частной клинике. Ася быстро нашла общий язык с мамой Александра и охотно делилась с сестрой всем, что касалось его семьи. Ирина познакомилась с Надеждой Николаевной на последнем звонке в гимназии.

- Ирина, как ты относишься к дружбе Саши и Насти? - спросила Барская.

- Вам не нравится моя сестра?

- Она нравится моему сыну, а я хочу, чтобы мальчик был счастлив. Не запрещайте им дружить.

- Саша нравится и мне. У меня и в мыслях не было нарушать эту дружбу. Через четыре месяца Асе исполнится восемнадцать.

- Странно, но ходят слухи, что...

– Не верьте слухам, – перебила Барскую Ирина. – Хотите что-то спросить или сказать, не стесняйтесь. Мне скрывать нечего. Чем больше Вы будете сомневаться, тем больше будет слухов. Ребята сдадут экзамены, у них появятся новые друзья, а та часть, что со слухами, останется в прошлом. Я не знаю, сколько продлится их дружба, но пока я ею довольна.

Анастасия прилично сдала ЕГЭ, Ирина получила диплом. Чуть раньше на могиле матери установили одну плиту на двоих с бабушкой и привели всё в порядок.

На выпускной вечер к Анастасии Богдановой пришла не только Ирина, но и Громовы. Отношения между ними не стали родственными, но Илью Петровича устраивали ровные, где-то даже приятельские отношения. Молодёжь вернулась домой перед рассветом, но по звонку поднялась в начале девятого.

– Приём документов с девяти и до обеда мы вернёмся, – говорил Александр Ирине, готовящей завтрак. – То, что не успеем сегодня, оставим на вторник. У нас ещё есть время. – Солнце, подъём, – крикнул он Насте.

– Определились с выбором? – спросила Ирина. – Ты убедил Настю?

– Я особо не настаивал, но совет дал. После отдыха в Турции, думаю, сама откажется, а пока пусть сдаёт документы.

– А ты хитрец. Что остаётся? – улыбнулась Ирина.

– Думаю, будем штурмовать твой университет, и учиться в новом корпусе, но для страховки есть смысл подать документы в два других.

– Ир, в кого он такой невыносимый? У нас неделя до поездки, а ему нужно прямо сегодня бежать, – бурчала Ася. – Я спать хочу, не выспалась.

– Я, на Сашином месте, поступила бы точно так. Да и ты всё делаешь по горячим следам. Так что не ной, завтракайте и я вас отвезу, куда скажите. Чем быстрее мы управимся, тем быстрее ты встретишься с подушкой.

– Я передумала спать, – сказала Ася с полным ртом. – Мы должны пригласить тебя в кафе и это не обсуждается. Ир, я такая дура, что сомневалась в твоём

платье. Ты специально сохранила его для меня? Все обалдели, когда мы с Саней вошли в зал. Куда всем вечерним платьям до моего наряда.

- Аська была лучше всех на балу и это признали все без исключения.

- Мне оно тоже нравилось. Лёгкое, пышное, белое облако. В нём главное материал и фасон, а всё остальное сделала твоя фигура, - подмигнула Ира сестре.

Позавтракав, Ирина повезла двух выпускников в приёмные комиссии университетов, по дороге узнав ещё одну новость. Саша признался, что летит вместе с ними в Турцию.

- Я купил путёвку на следующий день после тебя. Партизанка Ася нашла путёвки и сдала мне тебя, - говорил он улыбаясь. - Ты не сердишься?

- Я за вас ребята радуюсь.

- Такой ты мне больше нравишься. Ты за последние месяцы изменилась, - сделала вывод Ася.

- Неправда! Это не я изменилась, а ты, и мне это нравится. Счастливые люди смотрят на мир несколько по-другому. Вот и ты смотришь на меня иначе, под другим углом. Что будете делать в августе?

- Узнаем о результатах, поедем за город, - ответил Саша.

С тридцатого июня по шестнадцатое июля их ждала гостеприимная Турция. Они вернулись отдохнувшие, загоревшие и довольные поездкой. Восемнадцатого июля Ирина вышла на работу в агентство переводов. Александр и Анастасия стали студентами университета. Двадцать шестого сентября Асе исполнилось восемнадцать лет. Была суббота, и было решено организовать ужин в ресторане. Приехали родители Саши и Громов. Ирина подарила сестре документы на квартиру, переоформленные на её имя.

- Я предлагаю встретиться завтра и определиться с ремонтом. Настя, это последний дом, построенный на совесть, и он лет сто простоит без капитального

ремонта, – говорил Громов. – Третий этаж, кирпичные стены, комнаты раздельные. Можно зал и кухню объединить – сейчас это модно. Заменить двери и сантехнику, полы и потолки – сделать из неё конфетку. Доверишь?

– Сделаете, так как я захочу? – смеясь, спросила довольная Анастасия.

– Сделаю, но золотой унитаз не обещаю. – Ирина, а что ты будешь делать, когда сестра съедет? Не хочешь поменять дом на квартиру с доплатой?

– Я подумаю, – ответила Ирина. Она знала, что дом купят, но где жить, пока не купит себе жильё, а покупать его до продажи дома не на что. В долг такую сумму никто не даст. Обмен – это длинная песня. Не говорить же Громову о своих проблемах. Он Асе помогает, уже хорошо.

– В таком случае, дорогие наши дети, за нами с отцом мебель. Карельскую берёзу мы не обещаем, но постепенно обустроим вашу квартиру, – сказала Барская, глядя на мужа.

– Переедут на новую квартиру, будем видеться ещё реже, – с грустью сказал Алексей Александрович Барский. – Мы с женой и на пенсию не спешим, чтобы не оставаться в одиночестве.

– Вы не одиноки. Вы друг у друга есть, а это уже не мало. Я их вижу час утром, два-три часа вечером, но могло и этого не быть.

К Новому шестнадцатому году молодёжь въехала в квартиру, отремонтированную по желанию Анастасии с необходимой новой мебелью. Пока у неё всё складывалось хорошо. Летом, сдав экзамены за первый курс, молодёжь с компанией уехали в Горный Алтай. Во время их отсутствия Ирине позвонила Елена Зимина. Они не виделись два года и встретились в кафе, куда Ирина приехала после работы. Лена засыпала её вопросами, да и Ирине было чем «похвастаться». Она рассказала о сестре и себе, Громове и Барских, о квартире, доме и агентстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://telnovel.me/fandeeva_liliya/starshaya-sestra

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)